

Пальцы в мгновение опустели. Вэнь Цинлинь слегка растерялся, не успев сразу среагировать.

И слова Шэнь Тинюаня, и то, с какой непринуждённостью тот утащил его сигарету и сделал затяжку, застали Вэнь Цинлиня врасплох.

Запись, о которой говорил Шэнь Тинюань...

Записать что именно и зачем потом слушать... Все понимали без лишних слов.

А что до сигареты...

Для Вэнь Цинлиня разделить одну сигарету на двоих сразу после близости казалось вещью куда более интимной и двусмысленной, чем сам секс.

Он невольно опустил взгляд на Шэнь Тинюаня.

Шэнь Тинюань снова уселся на пол, прислонившись спиной к кровати. Одну длинную ногу вытянул, другую согнул в колене, а руку с зажатой между пальцев сигаретой небрежно положил сверху.

Сизый дым поднимался кверху, обволакивая точёные, словно высеченные из мрамора черты лица. Прищуренный, пристальный взгляд казался туманным и нечётким сквозь эту завесу. Вэнь Цинлинь неожиданно поймал себя на мысли, что мужчина напротив кажется ему незнакомцем.

Должно быть, прежде ему не выпадало случая видеть Шэнь Тинюаня таким — до такой степени расслабленным, слегка небрежным и даже чуточку «плохим» из-за тлеющего огонька в пальцах.

Это было свежо и любопытно.

Впрочем...

Рубашка, которую Шэнь Тинюань успел накинуть и застегнуть на все пуговицы до самого горла, возвращала привычное ощущение.

Этот человек всегда вел себя так. Даже если они засыпали вместе после близости, Шэнь Тинюань первым делом надевал одежду и только потом отправлялся в душ — когда Вэнь Цинлинь уже уходил к себе.

Словно органика его характера не терпела никакой наготы.

— Учитель Вэнь, — хрипловатый голос Шэнь Тинюаня оборвал поток мыслей Цинлиня, — не подумаете над моим предложением?

Вэнь Цинлинь опомнился. Он сразу понял, о каком «предложении» речь: записать звук их любовных утех.

Настойчивость и серьезность Шэнь Тинюаня в этом вопросе искренне его изумили.

Вэнь Цинлинь не удержался от легкой улыбки:

— Господин Шэнь, никогда бы не подумал, что от вас можно услышать подобное.

Записывать звуки в самый пик страсти? Цинлинь полагал, что такому консервативному и сдержанному человеку, как Тинюань, эта идея покажется неприемлемой.

Шэнь Тинюань чуть замешкался, опустил взор и вполне серьезно ответил:

— Как ваш законный супруг, Учитель Вэнь, я обязан идти навстречу вашим желаниям.

Вот эти слова действительно были полностью в его духе.

Вэнь Цинлинь изогнул бровь. Игривое, провокационное озорство, утихшее было после бурной ночи, снова проснулось от этих слов.

Ему вдруг пришло в голову: может, именно из-за вечной, невозмутимой сдержанности Шэнь Тинюаня ему так страстно хотелось выбить того из колеи? Посмотреть, как по гладкой воде пойдут круги.

И коль скоро мысль пришла, Цинлинь тут же воплотил её в жизнь.

Бросая робкий камешек в стоячий пруд чужой души, он проговорил нарочито небрежно:

— Не стоит так обо мне печься, господин Шэнь. Если мне вдруг что-то понадобится в ваше отсутствие, в сети полно самых разных аудиоматериалов.

Едва договорив, Вэнь Цинлинь впился взглядом в глаза Шэнь Тинюаня, словно хищник в засаде, ожидающий реакции.

Однако Тинюань лишь на миг прикрыл глаза.

А когда открыл их снова, в глубине темных зениц по-прежнему стоял штиль, разбавленный едва заметной, смиренной беспомощностью.

— Учитель Вэнь, я всё же мужчина, — с той же мягкой обреченностью произнёс он.

Обычный мужчина. А значит, ему не чужда элементарная ревность и уязвлённое самолюбие в подобных вещах.

Шэнь Тинюань изящно отвёл удар, но Вэнь Цинлинь остался вполне удовлетворен.

Словно безупречный небожитель на мгновение сошел на грешную землю.

Сжалившись над ним, Цинлинь спрятал коготки и снисходительно хмыкнул, добавив с нескрываемой иронией:

— В таком случае, господин Шэнь, вам придется постараться, чтобы ваши стоны звучали слаще, чем у них.

Дыхание Шэнь Тинюаня на миг сбилось, а затем он негромко рассмеялся:

— Хорошо. Я приложу все усилия.

Он поднес к губам тлеющий огарок и сделал последнюю затяжку.

Длинные, изящные пальцы едва заметно дрогнули — то ли от недавнего напряжения, то ли от скрываемого усилия над собой. Но Тинюань быстро сжал руку, спрятав эту слабость, так что Цинлинь ничего не заметил.

Впрочем, внимание Вэнь Цинлиня уже переключилось на другое.

— Вы курите? — удивленно спросил он.

Жест, с которым Тинюань держал сигарету, выглядел слишком уж привычным.

Пальцы Шэнь Тинюаня замёрзли в воздухе, но отрещиваться он не стал:

— Умею. Но обычно не курю.

Вэнь Цинлинь с удивлением осознал, как мало на самом деле знает о своем муже. Все его представления о нем строились на клише и поверхностных впечатлениях.

Поэтому он непринужденно переспросил:

— И когда научились?

Самый обыкновенный вопрос — у любого курильщика есть своя история первой сигареты.

Однако Шэнь Тинюань почему-то замешкался с ответом. Он медленно поднял глаза и пристально посмотрел на Вэнь Цинлиня.

Цинлинь опешил. Но не успел он разглядеть в этом взоре нечто потаенное, как Тинюань отвернулся и мягко произнес:

— На четвертом курсе.

И тут же перевел тему:

— Учитель Вэнь, вы идете в душ?

Допытываться Цинлинь не стал. Небрежно кивнув, он поднялся и ушел к себе.

Освежившись в душе, Вэнь Цинлинь принялся за продолжение манхвы, которую давно пора было выложить.

Он закрылся в мастерской. Шэнь Тинюань обладал отменным тактом и никогда не беспокоил его во время работы.

Финал новой главы выходил откровенным и дерзким: персонаж в кожаной куртке обтянутым черной кожей пальцем нажимал кнопку на аудиосистеме. Из колонок доносилось прерывистое, полное истомы дыхание героя в белой рубашке. Кожаная перчатка касалась покрасневшего уголка его глаза, и звучала насмешливая, порочная фраза: «Великий художник так любит подобные звуки? Что ж, в этот раз насладишься ими сполна».

Похоже, сегодня Шэнь Тинюань стал для Цинлиня настоящим музом.

Перед сном они снова оказались в одной постели.

В мире взрослых всё происходит именно так: не нужно лишних слов и прелюдий, достаточно одного взгляда — и страсть вспыхивает сама собой.

После всего Вэнь Цинлинь почувствовал глубокую усталость. Он лежал на широкой кровати Шэнь Тинюаня, уткнувшись лицом в подушку, и слишком ленился даже перевернуться.

Повернув голову к лежащему рядом мужу, он небрежно ропотал:

— Господин Шэнь, отчего вам так нравится со спины?

Шэнь Тинюань едва заметно окаменел.

«Потому что боюсь в такие минуты видеть твое лицо. И еще больше боюсь, что ты увидишь мое», — ответил он про себя.

Каждая ночь с Вэнь Цинлинем становилась для Тинюаня сладостной пыткой.

Он растворялся в этом безумии, сгорал от страсти и, конечно, до судорог жаждал видеть лицо Цинлиня — хмельное от удовольствия, со сбившимся дыханием, погруженное в тот же омут.

Оно наверняка разительно отличалось от его обычного образа — безупречного, холодного и недостижимого.

Контраст обострил бы чувства до предела.

Шэнь Тинюань всей душой стремился к этому зрелищу, но до смерти боялся его.

Боялся, что последняя нить его самоконтроля оборвется.

Но еще сильнее он страшился того, что Цинлинь увидит его собственное выражение лица в такие мгновения. А главное — его взгляд.

В нем плескалось всепоглощающее безумие, способное сожрать Цинлиня без остатка.

А вместе с ним — дикая, неукротимая жажда власти, владения и безраздельного господства...

Ничего из этого Вэнь Цинлинь увидеть не должен.

Мысли пронеслись за доли секунды. Шэнь Тинюань прикрыл веки и отозвался все тем же безупречно мягким, ровным тоном:

— Дело не в предпочтениях. Просто мне кажется, так вам удобнее и менее болезненно.

Вэнь Цинлинь на мгновение онемел, сбитый с толку этой вездесущей, неустанной заботой.

На следующий день.

Из-за слишком активной ночной «физкультуры» Вэнь Цинлинь проснулся позже обычного.

И, разумеется, снова в собственной спальне.

Совместный сон в их распорядок по-прежнему не входил.

Яркий солнечный свет пробивался сквозь щель в шторах. Шэнь Тинюань уже давно уехал в офис.

Умывшись, Цинлинь решил никуда не выходить: собирался заказать завтрак и посмотреть какой-нибудь интересный фильм, но его планы нарушило сообщение от Тун Нина:

[Поедатель лимонов: Великий художник Вэнь, спасай!]

[Поедатель лимонов: Ты сегодня свободен? Сможешь заглянуть в галерею? На твою картину «Эхо ручья в пустых горах» нашелся покупатель! Очередной босс прямо-таки сгорает от восторга, цену предлагает шикарную. Единственное условие перед оплатой — хочет увидеть тебя лично и послушать о замысле произведения...]

Поколебавшись мгновение, Вэнь Цинлинь отправил предельно лаконичный ответ:

.

Что означало согласие.

В конце концов, выручая Тун Нина, он помогал и самому себе: доход от продажи полотен в галерее они делили поровну.

И хотя Вэнь Цинлинь сейчас ни в чем не нуждался, отказываться от денег не имел привычки.

К тому же других дел на день всё равно не предвиделось.

Определившись с планами, Цинлинь не стал зазывать доставку, ограничился чашкой американо и выскочил из дома.

В галерею он прибыл рановато — щедрый ценитель искусства еще не подъехал. Поэтому

Цинлинь устроился в кабинете Тун Нина, уплетая купленный им завтрак и слушая его болтовню.

Разговор, впрочем, держался на одном Тун Нине: Цинлинь лишь изредка подавал голос.

Тун Нин вообще не умел молчать. Даже пролистывая ленту новостей, он ухитрялся комментировать каждую публикацию.

Вот и сейчас:

— Ха-ха-ха! Учитель Вэнь, ты в курсе? Того Чжоу Сюаня, который вчера напрашивался с тобой пообедать, дед сослал в уезд Сяошань! — В голосе Тун Нина сквозило откровенное злорадство.

Сяошань находился неподалеку от Хайчэна. Природа там была хороша, но для избалованных мажоров, привыкших к роскоши и развлечениям мегаполиса, пейзажи не представляли никакого интереса. А главное...

— Представляешь, его там заставляют учиться каждый божий день! Ха-ха-ха! — Тун Нин ухахатывался над экраном смартфона, как вдруг осекся и уставился на Цинлиня: — О, точно! Говорят, Чжоу Сюань отправился в Сяошань не без участия твоего благоверного!

Вэнь Цинлинь только что отправил в рот парочку жареных пирожков-шэнцзянь и сделал глоток соевого молока. Судьба Чжоу Сюаня его абсолютно не волновала, но имя Шэнь Тинюаня заставило наострить уши.

Изогнув бровь, он удивленно переспросил:

— А Тинюань-то тут при чем?

Тун Нин с удовольствием выложил подробности:

— Деду старого Чжоу надоело смотреть, как внучек бьет баклуши. Он еще давно просил твоего Шэнь Тинюаня подыскать наставника, чтобы тот взял парня в оборот. А вчера твой супруг дал ответ: мол, нужный человек как раз отдыхает в Сяошане! Старейшина Чжоу тут же сгреб внука в охапку и выставил вон. Назвал это, кажется, «удалением от суеты ради укрощения нрава»! Ха-ха-ха!

Вэнь Цинлинь усмехнулся:

— У его деда отличное чувство юмора.

Однако...

Едва смешок угас, как в голове Цинлиня мелькнула странная, почти абсурдная мысль.

Судя по словам Тун Нина, дед Чжоу Сюаня просил Шэнь Тинюаня о помощи уже давно, а ответ получил только вчера.

Почему... именно вчера?

Будь это раньше, Вэнь Цинлинь без колебаний счел бы это совпадением. Но после всех неожиданных открытий вчерашнего дня уверенность улетучилась.

Немного подумав, Цинлинь разблокировал телефон и отправил Шэнь Тинюаню сообщение, буквально продублировав слова Тун Нина:

[Слышал, второго молодого господина Чжоу дед сослал в Сяошань. Ваша заслуга, господин Шэнь?]

Не прошло и пары секунд, как телефон завибрировал — Шэнь Тинюань совершил входящий аудиовызов.

Слегка удивившись, Цинлинь нацепил наушники и принял вызов.

Низкий, бархатный голос Шэнь Тинюаня раздался у самого уха:

— Учитель Вэнь, вы отлично информированы.

Это звучало как явное признание.

Тихо хмыкнув, Цинлинь закинул удочку:

— Говорят, господин Чжоу просил вас об этом уже давно. Неужто вы подбирали кандидатуру до самого вчерашнего дня?

— Нет, — в динамиках на миг повисла тишина, а затем послышался сухой ответ: — Просто вчера я понял, что старик Чжоу был совершенно прав. Его внуку действительно нечем себя занять.

«Раз у него остается время заглядываться на тебя».

Разумеется, вслух Тинюань этого не произнес.

Ответ прозвучал сдержанно, но с явным подтекстом.

Вэнь Цинлинь предпочёл не ходить вокруг да около:

— После таких слов, господин Шэнь, мне трудно удержаться от определенного рода мыслей.

О каких именно мыслях речь...

Тинюань поймет без перевода.

И действительно, после краткой паузы голос в наушниках зазвучал чуточку глуше и тверже. Ни тени шуток — лишь предельно четкий ответ:

— Вы мыслите в верном направлении.

«Всё именно так, как вы думаете».

На этот раз онемел сам Цинлинь.

Одно дело — догадки, и совсем другое — прямое признание Шэнь Тинюаня.

Спустя мгновение Цинлинь негромко усмехнулся:

— А я-то полагал, будто вам всё равно.

Всё равно, кто зовет его на обед, с кем он встречается... Ведь Шэнь Тинюань проявлял к нему «безграничное уважение».

Дыхание Тинюаня в наушнике едва ощутимо прервалось.

Однако когда он заговорил снова, в его тоне звучали прежние джентльменские нотки:

— Учитель Вэнь, я уже говорил, что не стану ограничивать ваше общение из личных побуждений.

Формулировка осталась неизменной, слово в слово. Но теперь Вэнь Цинлинь прочел между строк истинный смысл:

«Я не могу ограничивать тебя — значит, ограничу других».

И именно поэтому Чжоу Сюань отправился в «ссылку».

Осознание этого факта отозвалось в душе Вэнь Цинлиня неожиданной волной удовольствия.

За весь месяц брака он впервые почувствовал к Шэнь Тинюаню — своему законному супругу — нечто большее, чем сухой прохладный интерес.

— Шэнь Тинюань, — впервые назвав мужа по имени, с улыбкой в голосе произнес Цинлинь. — Открою тебе секрет. Когда он позвал меня обедать, я сразу же отказался.

Он выдержал паузу, слушая, как сбилось дыхание на том конце провода. Улыбка на его губах стала шире:

— Знаешь, что я ему ответил?

— Что? — тихо спросил Тинюань.

— Я сказал... — Цинлинь растягивал слова, смакуя вчерашнюю реплику: — «Не получится, я обедаю со своим мужем».

Он особым образом выделил слово «мужем».

И награда не заставила себя ждать: дыхание в наушниках перехватило, а горячие судорожные вдохи обжигали слух сквозь расстояние.

Шэнь Тинюань молчал. Вэнь Цинлинь тоже не спешил нарушать тишину.

Пьянящая, тягучая двусмысленность вилась в воздухе.

Лишь спустя пару мгновений голос Тинюаня прорезал молчание — намного более хриплый, чем прежде:

— Учитель Вэнь лжет. Вы со мной не обедали.

Вэнь Цинлинь откровенно рассмеялся.

Он прекрасно уловил завуалированное «укорение» — ну или, скорее, сдержанную обиду.

И вспомнил, как вчера ни секунды не думая отклонил приглашение Тинюаня на чаепитие.

В эту самую секунду Цинлинь передумал.

— А то вчерашнее чаепитие... вы всё ещё хотите пойти туда вместе со мной? — с улыбкой спросил он.

Фраза прозвучала дразняще и многозначительно.

А мгновение спустя он довершил провокацию, роняя едва слышное, искушающее:

— М? Муж мой?

<http://bllate.org/book/20550/2106590>